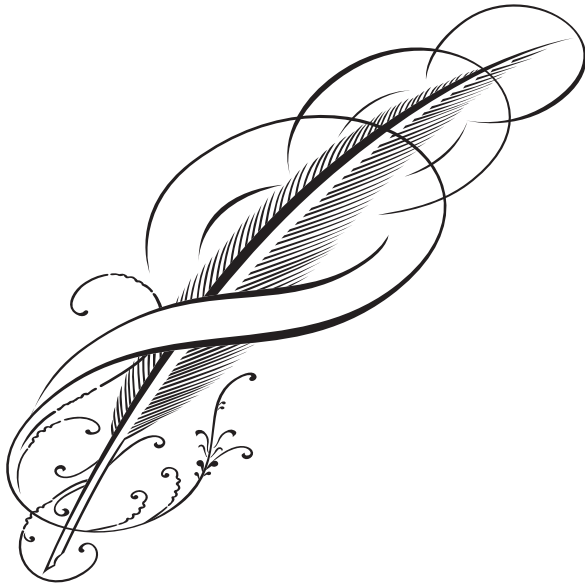

*Міністерство освіти та науки України
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна*

*ХАРКІВСЬКИЙ
ІСТОРИОГРАФІЧНИЙ ЗБІРНИК*

Харків-2014

УДК 930 (082.1)
ББК 63.3я5
Х 21

*Затверджено до друку рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
(протокол № 9 від 27. 06. 2014)*

Редакційна колегія:

д-р іст. наук, проф. Посохов С. І. (головний редактор); д-р іст. наук, проф. Астахова К. В.; д-р іст. наук, проф. Богдашина О. М.; д-р іст. наук, проф. Журба О. І.; канд. іст. наук, доц. Іващенко В. Ю.; д-р іст. наук, проф. Каплін О. Д.; к.і.н. Кісельова Ю. А. (відповідальний секретар); канд. іст. наук, проф. Куделко С. М.; д-р іст. наук, проф. Орлов І. Б.; канд. іст. наук, доц. Павлова О. Г.; д-р іст. наук, проф. Петровський В. В.; д-р іст. наук, проф. Сінкевич Є. Г.

Редакційна рада:

д-р. іст. наук, проф. Астахова В. І. (Харків) – голова; д-р. іст. наук, проф. Болебрух А. Г. (Дніпропетровськ); д-р., доц. Дроснева Е. (Софія); д-р. іст. наук, проф. Зашкільняк Л. Й. (Львів); д-р. іст. наук, проф. Колесник І. І. (Київ); д-р. іст. наук, проф. Корзун В. П. (Омськ); д-р. іст. наук, проф. Кравченко В. В. (Едмонтон); д-р. іст. наук, проф. Маловічко С. І. (Москва); д-р. іст. наук, проф. Меньковський В. І. (Мінськ); д-р. іст. наук, проф. Пиріг Р. Я. (Київ); канд. іст. наук, проф. Попова Т. М. (Одеса); чл.-кор. РАН, д-р. іст. наук, проф. Репіна Л. П. (Москва); канд. іст. наук, доц. Румянцева М. Ф. (Москва); д-р. іст. наук, проф. Удод О. А. (Київ).

Адреса редакційної колегії: 61022, Україна, м. Харків, майдан Свободи, 4, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, кафедра історіографії, джерелознавства та археології (5-56).

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 8073 від 29.10.2003 р.
Додаток до постанови Президії ВАК України про реєстрацію
від 06.10.2010 р. № 1-05/06

Харківський історіографічний збірник. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. – Вип. 13. – 328 с.

У черговому випуску наукового збірника зібрано статті з широкого кола проблем теорії та історії історичної науки та освіти.

Для викладачів, науковців, усіх, хто цікавиться історіографією.

На обкладинці використано літографію «Вічні птахи» члена Національної спілки художників України Н. С. Вербук.

УДК 930(082.1)
ББК 63.3.я5

ISSN 2079-9691

©Харківський національний університет
імені В. Н. Каразіна, оформлення, 2014
Автори, 2014

*Випуск збірника присвячено
50-річчю кафедри історіографії,
джерелознавства та археології
Харківського національного
університету імені В.Н. Каразіна*

РОЗДІЛ І

Проблеми інституалізації історіографії

УДК 378.22:930 (470+571)

Н. Н. Алеврас

МАГИСТРАТУРА

В КОНТЕКСТЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ:
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОПЫТ ИСТОРИКО-НАУЧНОГО
СООБЩЕСТВА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Исследуется история возникновения и развития научного интереса в историографии XX века к проблемам российской системы профессиональной подготовки ученых-историков. В центре внимания автора находится институт магистратуры в университетах Российской империи второй половины XIX – начала XX в., рассмотренный как предмет историографического анализа в опыте российских и зарубежных историков. Автор выражает и собственное понимание смысла, места и значения данной институции с позиций институционального, антропологического, коммуникационного, науковедческого и историографического подходов.

Ключевые слова: магистратура, диссертационная культура, историко-научное сообщество, историография, университеты России, ученый-историк, диссертация.

Институт магистратуры, как важнейший инструмент подготовки научных кадров и органичный элемент диссертационной культуры российских университетов, приобретал свой нормативный статус в течение всего XIX века, но наиболее заверченный его вид сложился в период действия последних университетских уставов 1863 и 1884 годов. К этому времени институт магистратуры не только получил правовые основы, но был обогащен университетским опытом и оригинальными практиками подготовки магистрантов: отбором претендентов на получение «профессорского звания» и организацией их научно-исследовательской деятельности, завершавшейся созданием и публичной презентацией диссертации (магистерским диспутом). Выработанные самим университетским сообществом правила и

© Н. Н. Алеврас, 2014

принципы интеллектуальных коммуникаций в виде этики научной жизни, критериев научности, а также ритуалов, сопровождавших различные события научной жизни, составляли социокультурный базис функционирования данной институции. По завершении процедурного движения успешно защищенная диссертация становилась для соискателя не только нормативной основой присуждения ученой степени магистра, но и неформальным пропуском-маркером вхождения в науку и научное сообщество, нередко определяя перспективы его научной карьеры и судьбы.

Данная университетская институция, вобрав в себя норму, опыт и традицию университетской жизни (некоторые современники не без оснований относили эту сферу к области университетского быта [см.: 40, с. 1–34]), может быть рассмотрена в разных ракурсах. Она предстает и как социальный инструмент интеграции молодого ученого в корпоративную среду, и, одновременно, как социокультурный, интеллектуальный феномен научной повседневности. Институт магистратуры составлял ядро схолярных коммуникаций, являясь источником создания неформальных статусов: научных руководителей – учителей и готовящихся к «профессорскому званию» – учеников.

Цель и результат магистерского отрезка жизни молодого ученого, а именно: созданный им научный продукт – диссертация является выражением когнитивно-интеллектуального потенциала той или иной дисциплинарной субкультуры университетской корпорации, с которой он был генетически связан. Данный ракурс выражает смысл социо-когнитивного подхода, характерного для исследований процессов институциализации в истории науки [см.: 56, с. 218–256; 48, с. 134–149].

Лаконично выраженное представление о сущности интересующего нас явления научной культуры и акцентуация некоторых подходов к его изучению основываются на идеях, которые повлекли существенные изменения в представлениях ученых относительно того, что и как изучать в истории науки [см.: 46]. В частности, к изучению социальных институтов подходят с позиций микроаналитической стратегии, подвергая их многомерному анализу как социокультурные феномены [см.: 9].

С учетом известной трансформации теоретико-методологических аспектов исторического знания последних десятилетий особый

интерес вызывает историографическая ситуация, связанная с изучением интересующего нас института университетской культуры дореволюционной России. Обращение к историографическому ракурсу истории магистратуры неизбежно выводит на блок исследований проблем функционирования диссертационной системы в целом. К числу актуальных сюжетов, составляющих их контекст, относятся: формирование научных кадров высшей квалификации в системе университетской культуры, опыт подготовки диссертаций и традиции их защит, законодательные основы присуждения ученых степеней и званий и др.

Рефлексивный взгляд на состояние в дореволюционной России организационно-экспертной культуры защит диссертаций и подготовки научных кадров в сфере исторического знания был характерен уже для современников [см.: 3, с. 221–247], представивших свои критические суждения об этом в периодике, публицистике, материалах дебатов министерских комиссий. Особенно выразительно актуализация отмеченных аспектов проявляется на рубеже XIX–XX веков, когда динамика защит диссертаций, в том числе в корпоративной среде ученых-историков, четко фиксирует тенденцию роста их количества [3, с. 227–228, 243, примеч. 67.].

Трансформация культуры и системы образования после Октябрьской революции 1917 г. спровоцировала новую рефлексивную реакцию в условиях кампании советской власти по ликвидации ученых степеней и званий. В конце 1910-х – 1920-е гг. она проявлялась, вероятно, втуне: в частных разговорах, переписке, дневниковых и мемуарных свидетельствах об университетской жизни, не всегда писавшихся для публикации. Ситуация несколько изменилась в середине 1930-х гг., когда начался процесс возвращения к дореволюционной практике формирования научно-преподавательских кадров [см.: 28; 29, с. 73–75]. Полузабытый опыт дореволюционных университетов пытались было возродить при помощи воспоминаний, теперь уже предназначенных для печати. Статья мемуарного типа, написанная физиком и химиком И. А. Каблуковым (1935) [27, с. 96–102], раскрывающая традиции подготовки к «профессорскому званию» молодого поколения ученых и организации защит диссертаций в виде научных диспутов, могла появиться именно в этой связи. Близка по целевым установкам рукопись подобного характера антиковеда

С. А. Жебелёва (1935) [20, с. 146–194], освещающая эти процессы в среде историков¹. Интересны в этом же отношении свидетельства И. Л. Беленького [см.: 8] о середине 1930-х гг., как начале составления Г. Г. Кричевским, ставшим впоследствии крупным советским библиографом, уникального справочника о диссертациях, созданных в дореволюционных российских университетах.

Перечисленные свидетельства актуализации дореволюционного опыта – это лишь минимум известных мне на данный момент прямых реакций современников на начавшееся возрождение практики присуждения ученых степеней. Не вызывает сомнения, что основой этих и подобных им обращений к памяти как источнику информации являлось стремление современников запечатлеть и передать для новых поколений ученых актуальный научно-институциональный опыт российской культуры. Практики своеобразных коммемораций и научно-библиографических разысканий могли бы стать стартом, определившим начало формирования историографии дореволюционной диссертационной культуры. Однако общая ситуация середины 1930-х гг. не содействовала этому. Очевидно, что в силу известных политико-идеологических причин и предубеждений относительно опыта дореволюционной («буржуазной») науки, публикации, которые бы продолжили линию припоминаний учеными состояния дореволюционной диссертационной культуры, не получили поддержки. Поэтому-то, рукопись Жебелёва легла в стол автора. Данная тематика в советское время еще долгое время оставалась не востребованной для историко-научных разработок. Только на уровне создания библиографических справочников и продолжавшейся аналитической работы в этом направлении Г. Г. Кричевского [см.: 31], интерес к теме поддерживался в 1940-е гг.

В специальных работах историков 1960–1970-х гг., создававшихся в условиях начавшегося подъема интереса к науковедческим исследованиям, была начата разработка новой на тот момент проблематики истории университетов, студенчества, профессуры (как слоя интеллигенции) [37, с. 59–61], но тема магистратуры, подготовки и защит диссертаций еще не приобрела актуальности. Несомненно, обращение к сообществам университетской среды,

¹ Заметим, что немало страниц С.А. Жебелёв посвятил описанию практик формирования круга претендентов «к оставлению в университете», положения и статуса магистрантов, опыта сдачи магистерских экзаменов, подготовки и защиты ими диссертаций.

как объекту изучения, явилось тогда важным научным заданием, который стал основой для развития дальнейших линий истории университетской культуры. Однако в то время применительно к университетским аспектам жизни в центре внимания оставались приоритетные темы – история «политики самодержавия», социально-политических настроений и движений в университетской среде. Вместе с тем, в эти годы в опыте изданий библиографической литературы, ориентированной на историю защит диссертаций [см, например: 47], а значит косвенно – магистратуры, можно уловить влияние ранних идей Кричевского. Следовательно, интерес к теме по истории диссертаций, так или иначе, поддерживался научным сообществом.

С позиций несколько иных задач диссертационная тематика прозвучала в фундаментальной монографии М. В. Нечкиной, посвященной творчеству В. О. Ключевского. Тщательно прослеживая контекст творческой деятельности историка, Нечкина впервые подвергла обстоятельному анализу содержание обеих диссертаций историка [44, с. 124–248] и выявила типичные источники, позволяющие репрезентировать магистерский и докторский отрезок его жизни. В ее монографии предстает и процесс подготовки диссертаций, и описание диссертационных диспутов, а в целом – намечена модель изучения диссертационной истории ученого-историка. Однако диссертация, как особый вид и научный продукт исследовательской деятельности, связанная с карьерным и профессиональным движением ученого, а ее защита как социокультурный феномен особой природы не артикулировались ею.

Дореволюционный опыт университетской магистратуры начинает привлекать специальное и явно выраженное внимание отечественных историков лишь с 1980-х гг. Можно полагать, что появление интересующих сюжетов не было случайным: оно пришлось на период активизации в СССР исследований в области науковедения и истории науки [см., например: 21; 38, с. 41–43]. Этот поворот усиливался в атмосфере ослабления идеологического диктата и начавшейся внутривластной «перестройки».

Первые специальные сюжеты по истории науки, вводящие нас в интересующую тематику, по нашим наблюдениям появляются в книге Е. В. Соболевой [54]. Отдельную главу автор посвятила

изучению подготовки научных кадров и рассмотрела, во-первых, нормативные основы присуждения ученых степеней и званий, во-вторых – «институт “профессорских кандидатов”» [см.: 54, с. 170–241], то есть то, что можно отнести к институту магистратуры. Одной из первых в последнем сюжете она обратилась к теме организации практик зарубежных научных командировок начинающих ученых, предпринимаемых, как правило, для подготовки магистерской диссертационной работы. Трудно переоценить значение этой монографии с позиций предложенной ею структуры. Она, по сути, наметила новые перспективы институциональных исследований в области истории науки и предложила основательную источниковую базу в виде законодательных актов, документации МНП, представленной архивными фондами и публикациями, очертившими пространство для дальнейшего историко-научного опыта.

Почти в это же время Г. Г. Кричевский (1984) завершает в виде рукописи свой библиографический справочник по защищенным диссертациям [см.: 32]. Именно этот уникальный библиографический труд можно считать поистине стартовым фактором в историографии темы, которую мы определяем как «диссертационная культура». Известная статья (1985) об ученых степенях подвела итоги его многолетних библиографических разысканий [33, с. 141–153]. Оригинальную источниковую информацию о защищенных диссертациях (по всем специальностям и во всех университетах страны) Г. Г. Кричевский использовал для систематизации и изучения истории создания системы ученых степеней и званий в российских университетах. Будучи не только библиографом, но и историком по своему базовому образованию, он существенное внимание уделил сюжетам из истории защит диссертаций и присуждений ученых степеней в историко-научном сообществе. Намеченные им аспекты из истории российской науки тогда оставались совершенно новыми. Но и в тот момент специальная тема подготовки магистрантов и сопутствующая ей «диссертационная» проблематика оставалась на периферии внимания ученых.

Ситуация стала меняться с начала 1990-х гг. Новый социально-политический и социокультурный поворот, пережитый в те годы обществом, существенно трансформировал аксиологические основания и проблематику гуманитарных исследований.

Продолжением библио-историографической инновации Кричевского по истории науки стали труды А. Е. Иванова – по истории высшей школы и ученых степеней в России [22; 23]. В рамках наших интересов особое значение имеет вторая монография, существенно обогатившая палитру проблематики истории университетского образования и науки как нераздельных институциональных структур. Богатый источниковый материал монографии обильно иллюстрирует нормативную основу университетских уставов фактами их реализации в области деятельности научного сообщества и соискателей ученых степеней, направленной на создание диссертационных исследований и их защит. Особое значение для рассматриваемой темы имеют третья и четвертая главы книги [23, с. 71–186], впервые обстоятельно и фундаментально открывшие научному сообществу дореволюционную систему подготовки соискателей к достижению ученых степеней (институт магистратуры) и традиции защит диссертаций.

Тема присуждения ученых степеней и сюжеты, связанные с описаниями диссертационных диспутов оказались в монографии А. Е. Иванова органично соединены, создавая ощущение знакомства с «живыми» судьбами ученых и их диссертационными историями. Предложенный подход к теме, сюжетные линии и стилистика данного исследования, несомненно, демонстрировали поворот в изучении проблем истории науки. Характерна позитивная реакция тогдашнего научного сообщества на выход книги. Среди откликов выделяется рецензия П. В. Волобуева [13, с. 268–276] – академика-историка, представителя «нового направления» в историографии. Обстоятельный анализ книги А. Е. Иванова свидетельствует, что известный ученый, и сам обращавшийся к теме истории науки [см.: 12], не только отметил ее актуальность и высокий уровень, но с глубоким эмоциональным чувством открывал для себя малоизвестные ранее страницы из истории научной жизни дореволюционных университетов. Разделы, посвященные институту магистратуры и защитам диссертаций, он читал «с захватывающим интересом». Особенно его привлекли сюжеты из истории опыта подготовки магистрантов и выработки в университетской среде системы различных требований и «испытаний», которые формировали высокие профессиональные качества «профессорских стипендиатов» [13, с. 270–271].

Интересно заметить явную потребность Волобуева сопоставить уровни магистратуры и всей дореволюционной диссертационной системы с советским, в том числе современным ему, опытом. Его симпатии склонялись в пользу дореволюционной практики [13, с. 272]. Таким образом, исследованная в монографии проблематика вызвала не только сугубо научный интерес, но и наделялась практическим значением, актуализируя задачи совершенствования современной системы подготовки аспирантов к приобретению высоких профессиональных качеств.

В 1990-х гг. появляются знаковые для понимания методологических исканий современной историографии публикации [см.: 7; 30; 55]². Они знаменовали движение истории историографии по пути поисков антропологической (социокультурной) версии истории науки. Новый научный вектор к концу XX в. содействовал консолидации определенной части российских историков и историографов вокруг идей интеллектуальной истории. История диссертационной культуры и, в том числе, дореволюционной магистратуры вписываются нами в это продолжающееся движение.

Обращение к аспектам научного и историографического быта, характерного для этого времени, позволяет конструировать научную повседневность, а деятельность историка на поприще процесса создания и защиты диссертации, в том числе на отрезке его магистерского пути, воспринимать как органичный элемент каждодневной жизни научного сообщества. Одновременно, диссертация как тип научного исследования с особым – научно-квалификационным статусом, может рассматриваться в качестве образцовой штудии на каждый данный момент истории историографии среди других научно-интеллектуальных результатов деятельности ученых. В диссертациях, выставляемых на суд научного (и не только) сообщества, концентрируется весь спектр идей в области теории, методологии, концептуальных интерпретаций истории, а потому они могут служить неким мериллом для понимания тенденций развития научно-исторического знания и культуры его репрезентации.

Воронежская историографическая традиция (научная школа В. И. Чеснокова) – являлась одной из заметных в 1990-е гг. линий, с

² В данном случае ссылки на круг историографических работ данного времени намеренно ограничены задачами и основными сюжетными линиями статьи.

которой связано изучение истории российских университетов [см.: 50] и процессов подготовки ученых высшей квалификации [см.: 57. Переиздано: 25, с. 113–137; 58, с. 75–85]. Новым историографическим фактом середины 1990-х г. следует считать и появление Харьковского историографического сборника (с 1995 г.), ставшего важной коммуникативной площадкой для презентации украинских и российских историографических проектов. Один из современных лидеров украинских коллег, редактор данного издания – С. И. Посохов, специалист по истории российской университетской дореволюционной культуры, в недавней статье также обратился к проблемам по историко-диссертационной тематике [49, с. 131–152]. История защит диссертаций актуализируется автором посредством обращения к этической стороне этого сегмента историографического быта. Процесс и результаты защит диссертаций представлены им в контексте системы ценностей, принятых в научном сообществе и в реалиях своего времени с учетом профессионально-доктринальных, общественно-политических, религиозных предпочтений и особенностей личностных моральных качеств участников диссертационных историй.

Характеризуя историю историографии относительно интересующих нас аспектов в 1990-е гг., нельзя специально не остановиться на существенном вкладе в их изучение со стороны зарубежных коллег. Еще в 1990 г. известный американский историк-русист Т. Эммонс опубликовал статью [62, с. 45–61] об учениках Ключевского и критериях определения их круга. Уже тогда она произвела заметное впечатление тем схолярным ракурсом, который историк спроецировал в ней, задав некую модель изучения творчества лидера научной школы и его учеников в процессе их внутришкольной коммуникации. Практически все труды учеников Ключевского, рассмотренные Эммонсом, представлены их магистерскими диссертациями. В 1998 г. появилась книга немецкого историка Т. Бона, также обращенная к школе Ключевского. Для широкого круга отечественных историков она стала известна после ее переиздания в России (2005) [10]. Масштабно обозначенная тема книги («Русская историческая наука...») и ее многообразные сюжетные линии, в значительной мере, сосредоточивают внимание на истории подготовки профессиональных кадров ученых-историков в российских университетах, проиллюстрированных таким феноменом

как школа Ключевского («Московская школа»). Продолжая, по сути, схолярную линию Т. Эммонса, Т. Бон детализировал и попытался определить особенности и место институций и традиций в опыте российской университетской культуры. Среди них – выдвижение претендентов в категорию «оставляемых для подготовки к профессорскому званию», магистратура, приват-доцентура, создание диссертаций, диссертационный диспут, присуждение ученых степеней, особенности взаимодействия учителя и учеников и др. На момент первого издания монографии эта тематика в российской историографической практике оставалась еще мало разработанной.

Статья американского профессора Т. Сандерса (1999), переизданная в 2012 г. [51, с. 161–192], еще более фокусирует внимание на проблемах диссертационной культуры. Получив возможность ознакомиться с ней после появления российского издания, уже тогда, когда у меня и моей коллеги и соавтора (Н. В. Гришиной) вышло несколько статей на эту тему, стало ясно, что наши интересы почти сомкнулись с проектом Т. Сандерса. Американский историк, иллюстрируя статью целой серией диссертационных историй, концентрирует внимание на процедуре защиты диссертации, рассматривая ее как институциональный фактор посредством введения понятия «институт диспута». Одновременно историк прослеживает развитие социокультурной функции этого института, которая в общественно-политических условиях России середины и второй половины XIX в. трансформирует его в инструмент иного действия, чем это задумывалось МНП при его создании: он приобретает социальную актуальность. Действительно, трибуна диссертационного диспута была легитимирована принципом университетской автономии (хотя и относительной), становясь для представителей научного сообщества и способом выражения своей, как это заметил Т. Сандерс, «социальной идентичности», и местом актуализации общественно-политической злобы дня. Хотелось бы вместе с тем заметить, что такой упомянутый историком элемент диспута как диссертационная речь соискателя [51, с. 177], может одновременно рассматриваться и как способ научной самоидентификации ученых [см., например: 4, с. 276–286]. Самые высокие образцы выступлений (речей) соискателей-магистрантов на диспутах становились источником инновационных теоретико-

методологических идей. Мне приходилось подчеркивать эти моменты в статье для научного альманаха «Эйдос» [6, с. 150–159]³.

С начала 1990-х гг. параллельно названным направлениям осуществлялась разработка проблем исторического опыта присуждения ученых степеней и званий, начатых еще библиографическим проектом Г. Г. Кричевского. Отмечу инициированный А. Н. Якушевым научно-практический проект [см.: 63; 64], нацеленный на три основных аспекта. Во-первых – на переиздание фрагментов рукописи библиографического справочника Кричевского по отдельным научным специальностям [см.: 34], во-вторых – на издание комплексов нормативных документов по истории присуждения ученых степеней [см.: 65]. Переиздание рукописи Кричевского квалифицировалось авторами как «посмертное издание». Этот факт нельзя особо не отметить в связи с коммеморативными мотивациями проекта. Однако научная и археографическая культура этих переизданий, к сожалению, далека от образцового исполнения.

Третий компонент проекта связан с осуществлением серии диссертационных исследований [см.: 14; 15; 35], целеустремленных, главным образом, к характеристике нормативных оснований существовавшей в дореволюционной России системы защит диссертаций и присуждения ученых степеней. Сознательно ограничивая в примечаниях чрезвычайно обширный список публикаций авторов, входящих в это направление [подробнее см.: 11, сноски 9–12], отмечу, что оно представлено преимущественно специалистами юридического профиля, а содержательно ориентировано на историю университетского законодательства и институциональных структур, имеющих отношение к научно-образовательной сфере. Задачи этих исследований идейно и методологически не совпадают с нашим замыслом. Соглашусь с мнением Е. Вишленковой и К. Ильиной, что «в силу довольно аморфной аналитической рамки» эти историко-правовые исследования «не сделали историко-культурных открытий, а потому оказали слабое влияние на историографию темы» [11].

Знаменательно, что начавшийся реформационный процесс современной образовательной системы высшей школы, вызвал определенный интерес к истории магистратуры [см.: 36]. Но

³ Раздел статьи «Диссертационная речь как творческое откровение».

указанная в ссылке статья Л. И. Лебедевой, отражает факт недопонимания функции магистратуры XIX в. Настораживает уже первое ее предложение, ошибочно отождествляющее смысл дореволюционной и современной магистратуры: «Магистерская подготовка в России, прекращенная в 1917 г., возобновилась в 1993 г.» [36, с. 297].

Интерес к диссертациям как объекту исследования традиционно сохраняется в среде библиографов и специалистов библиотечного дела. Н. М. Кабанова обозначила это направление как «диссертациеведение» [25; 26].

Иные задачи и методологические подходы по теме «диссертация» сформировались в системе историографических исследований первого десятилетия XXI в. В рамках данной дисциплинарной области возник повышенный интерес к изучению становления историка-профессионала в процессе университетского обучения. Разработки схолярной проблематики усилили его, создав условия для появления сюжетов, связанных с изучением проблематики, концептуальных и методологических основ, историй создания и защит диссертационных работ. Появление серии статей и монографий о научных школах В. О. Ключевского, В. И. Герье, М. И. Гревса, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского и др., характерное для этого времени, убедительно показало, что центральное ядро «диссертационной» и «профессорской» культур составляет институт магистратуры, являющийся соединительным мостом между ними. Не случайно, В. П. Корзун и Т. А. Сидорякина, подчеркнули, что профессорская культура, будучи нацеленной на «производство и трансляцию научного знания», была прочно связана с нормами и традициями защит диссертаций и присуждением ученых степеней [29, с. 67–69].

Среди комплекса монографических исследований по схолярной проблематике отмечу два из них, принадлежащих Н. В. Гришиной [см.: 17] и А. В. Свешникову [см.: 52]. В центре их внимания – плеяда учеников-магистрантов знаменитых историков – В. О. Ключевского и М. И. Гревса соответственно. Авторы интересуются способами и традиции возвращения ученых-историков молодого поколения, опыт и практики их взаимодействия с учителями, результаты этого взаимодействия в виде защищаемых ими диссертаций. Введенное А. В. Свешниковым понятие «школообразующая практика»

и аналитические описания Н. В. Гришиной диссертационных и карьерных историй представителей магистрантского корпуса заставляют фокусировать внимание на институте магистратуры как феномене научной, институциональной, коммуникативной и социокультурной природы.

Констатируя факт заметного роста современных исследований, подступающих к границам предметного пространства истории диссертационной культуры, отмечу, что зарождение собственного интереса к этой теме можно отнести к началу 2000-х годов. Первоначально он проистекал из интуитивного ощущения несправедливого забвения на страницах тогдашних учебников по историографии и многих историографических исследований внушительного количества защищенных диссертаций историков. Поэтому-то статья Т. Эммонса в свое время предстала как откровение. Но целенаправленное обследование архивных фондов историков и формирование предварительной программы исследования удалось начать только в 2010 г. при самом активном соучастии моей младшей коллеги – Н. В. Гришиной.

Опыт погружения в источники показал, что тема «Диссертация по истории...», какой она предварительно формулировалась, требует выработки контекстуального подхода и специфической терминологии. Так возникло понятие «диссертационная культура», определение которой впервые было дано в нашей совместной статье [см.: 3, с. 222]. Но собственно презентация проекта была осуществлена чуть раньше – на страницах «Мира историка» [1, с. 9–21], сразу после первых эвристических опытов. В этом же выпуске сборника мы опубликовали тексты некоторых источников, связанных с защитами магистерских диссертаций – Г. В. Вернадского и А. А. Кизеветтера [1, с. 367–384; 16, с. 388–393]. Для редакторов сборника наша идея стала поводом актуализировать тему «диссертация» в контексте рефлексий «прошлое и настоящее». Более чем дюжина статей и документальных материалов, появившихся в этом издании на заданную тему, требуют специального обзора [39, с. 9–232], но хотелось бы подчеркнуть данным фактом поддержку научным сообществом предложенной проблематики.

Тема диссертаций и их защит в последние годы актуализировалась под воздействием общих проблем реформирования высшего образования в связи с переходом на так называемую Болонскую

систему, скандальными историями, связанными с фактами плагиата в диссертациях и критикой работы ряда современных диссертационных советов. Характерно в этой связи появление специального блока статей «Университетские истории: реформа как традиция?» в «Новом литературном обозрении» [см.: 45]. Здесь проблема института диссертации и ученых степеней рассматривается в различных аспектах: и как существенный элемент университетской/вузовской системы, и как актуальная научно-исследовательская проблема. В статье Е. А. Вишленковой и К. А. Ильиной [11], примыкающей к этому блоку, дан краткий историографический обзор под характерным названием «Диссертация как объект изучения», который следует признать первой попыткой выявления историографических вех складывания интереса к этой проблеме и обозначения современной историографической ситуации. Но тема российской магистратуры XIX века, не стала в нем отдельным сюжетом.

Наша специальная попытка акцентировать внимание на данной институции сделана на одной из историографических конференций 2012 г. [5, с. 169–171]. Детализация дореволюционного опыта выявления и рекомендации кандидатур в магистратуру, изучение судьбы этого института в процессе его трансформации в аспирантуру советского времени представлены в работах Н. В. Гришиной [см.: 18, с. 172–180; 19]. Социальный статус, поведенческие и жизненные стратегии дореволюционных «аспирантов-историков» исследуются А. В. Свешниковым [53, с. 164–171].

Подводя итоги обзора, заметим, что сформулированная тема истории ученых степеней и званий применительно к пореформенному времени, будучи актуализированной в 1930-е гг. в связи с прагматическими задачами возрождения опыта дореволюционных университетов, подвергалась впоследствии существенной трансформации. В историографии 1960–1990-х гг. формировалось несколько перспектив ее дальнейшего развития в рамках истории науки, высшего образования, изучения историко-правовых оснований научной деятельности. Рубеж XX–XXI вв. став началом широкой волны социокультурных исследований в гуманитаристике, содействовал расширению предметных границ историографических исследований. Тема ученых степеней и званий подверглась диверсификации, будучи приспособленной к задачам обновления

и углубления представлений о таких областях истории исторической науки, которые позволяют понять основы функционирования историко-научного сообщества, реконструировать источники его саморазвития, коммуникативную систему, процесс формирования научного знания, опыт подготовки историка-профессионала, его профессиональный и карьерный путь. Именно в этой ситуации стали намечаться новые сюжетные линии, в том числе и тема диссертационной культуры как отдельной университетской системы. Одним из базовых ее элементов стал институт магистратуры. Процесс его изучения перспективен не только как специальный предмет исследования, но и в контексте исследований научных школ и такого историографического феномена как «профессорская культура». Новые подходы существенно обогатили видовую палитру источникового обеспечения проблемы. Несомненное ядро ее документального комплекса составляет интеллектуальный результат магистерской подготовки – магистерские диссертации. История их создания, разработка методик и критериев историографического анализа их проблематики, научных идей, методологий и концептуальных построений – почти нетронутая и актуальная проблема, еще ожидающая ученых-историографов.

1. *Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2010. – Вып. 6. – С. 9–21.
2. *Алеврас Н. Н.* Речь на магистерском диспуте Г. В. Вернадского в контексте его диссертационной истории (к публикации источника) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2010. – Вып. 6. – С. 367–384.
3. *Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2011. – Вып. 36. – С. 221–247.

4. *Алеврас Н. Н.* Диссертационная культура второй половины XIX – начала XX в.: речь историка на защите диссертации // Известия Уральского федерального университета. Серия 2.: Гуманитарные науки. – 2012. – № 3 (105). – С. 276–286.
5. *Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Российский корпус магистрантов-историков: проблемы конструирования корпоративной институции и образа магистранта (вторая половина XIX – начало XX в.) // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ : материалы всероссийской научной конференции. – М., 2012. – С. 169–172.
6. *Алеврас Н.* «...Мир вещей в пространстве диссертационной культуры» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / гол. ред. В. Смолій ; відп. ред. І. Колесник. – К., 2011/2012. – Вип. 6. – С. 136–159.
7. *Александров Д. А.* Историческая антропология науки // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – № 4. – С. 3–22.
8. *Беленький И. Л.* «Вникать в названия неизвестных книг...». Памяти Г. Г. Кричевского [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://socionet.ru/publication.xml?h=repec:rus:upafiz:7>
9. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. – М., 1995. – 323 с.
10. *Бон Т.* Русская историческая наука /1880–1905 г./ . Павел Николаевич Миллюков и Московская школа / пер. с нем. Дм. Торицина. – СПб., 2005. – 272 с.
11. *Вишленкова Е., Ильина К.* Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость [Электронный ресурс]. // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 122. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/3755>.
12. *Волобуев П. В.* Русская наука накануне Октябрьской революции // Вопросы истории естествознания и техники. – 1987. – № 3.
13. *Волобуев П. В.* [Рецензия] // Вестник Российской академии наук. – 1996. – Т. 66. № 3. – С. 3–17. – Рец. на кн. : Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. – М., 1994. – 196 с.
14. *Воропаев И. Г.* Порядок присуждения учёных степеней в России и СССР (1802–1995) : Дис. ... канд. юрид. наук. – Невинномысск, 2000. – 296 с.

15. *Горошко О. Н.* Роль Министерства народного просвещения, Академии наук и университетов Российской империи в истории развития института диссертаций (1724–1919) : Дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2002. – 192 с.
16. *Гришина Н. В.* «Написать такую книгу подвиг не малый...». Речь, произнесенная Екатериной Яковлевной Кизеветтер, в честь защиты А. А. Кизеветтером магистерской диссертации // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2010. – Вып. 6. – С. 388–390.
17. *Гришина Н. В.* «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. – Челябинск, 2010. – 288 с.
18. *Гришина Н. В.* «Анахронизм наших печальных дней»: российская диссертационная система на рубеже 1910 – 1920-х годов // История и историка в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI веков : сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. – Челябинск, 2011. – С. 172–180.
19. *Гришина Н. В.* От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка: историографический ежегодник. – 2013. – Вып. 9. [в печати].
20. *Жебелёв С. А.* Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / публикация текста и комментарии И. В. Тункиной // Очерки истории отечественной археологии / сост. А. А. Формозов. – М., 2002. – Вып. 3. – С. 146–194.
21. *Идеалы и нормы научного исследования* / отв. ред. В. С. Степина. – Минск, 1981. – 430 с.
22. *Иванов А. Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991. – 392 с.
23. *Иванов А. Е.* Учёные степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. – М., 1994. – 198 с.
24. *Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом* : коллект. моногр. / отв. ред. А. Н. Дмитриев. – М., 2012. – 551 с.
25. *Кабанова Н. М.* К истории диссертационной деятельности в дореволюционной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: rumchten.rsl.ru/assets/files/2006/doc/1132909135.doc.

26. *Кабанова Н. М.* Структура российских диссертационных фондов [Электронный ресурс] // Библиоковедение. – 2012. – № 5. – Режим доступа : <http://www.rsl.ru/ru/s3/s17/s33/bv52012/bv520127407>
27. *Каблуков И. А.* Как приобретали ученые степени в прошлое время // Социалистическая реконструкция науки. – 1935. – Вып. 9. – С. 96 – 102.
28. *Козлова Л. А.* «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nir.ru/sj/sj/sj2-01koz.html>
29. *Корзун В. П., Сидорякина Т. А.* К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2009. – С. 65–76.
30. *Корзун В. П.* Научная школа в интерьере «историографического быта» // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. I. : Научные сообщества в социокультурном пространстве России. – Омск, 1998. – С. 2–5
31. *Кричевский Г. Г.* Библиография диссертаций (Опыт обзора и план дальнейших работ в этой области) // Из трудов Библиотеки Академии Наук СССР. – Л., 1948. – С. 103–104.
32. *Кричевский Г. Г.* Диссертации университетов России. 1805–1919. – М., 1984. – 693 с. [Рукопись не опубликована]
33. *Кричевский Г. Г.* Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. – 1985. – № 2. – С. 141–153.
34. *Кричевский Г. Г.* Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи: (1755–1918) / сост., предисл., науч. ред. и посмертное издание А. Н. Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. – Ставрополь, 2004. – 226 с.
35. *Лаута О. Н.* Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университета (начало XIX– XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. – Невинномысск, 2000. – 185 с; прил.
36. *Лебедева Л. И.* Магистратура в XIX – начале XX в. как институт подготовки научных и научно-педагогических кадров в России // Вопросы образования. – 2005. – № 4.
37. *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971.

38. Маркова Л. А. Наука: История и историография XIX–XX в. – М., 1987.
39. Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2010. – Вып. 6. – 472 с.
40. Мякотин В. М. Диспут и ученая степень // Русское богатство. – 1897. – № 7. – С. 1–34.
41. Научная деятельность: структура и институты : сборник переводов / сост., общая ред., вст. ст. Э. М. Мирского и Б. Г. Юдина. – М., 1980. – 431 с.
42. Наука и культура / отв. ред. В. Ж. Келле. – М., 1984. – 336 с.
43. Наука и ценности. – Новосибирск, 1987. – 242 с.
44. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. – М., 1974. – 636 с.
45. Новое литературное обозрение. – 2013. – № 122 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/3755>
46. Огурцов А. П. Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы [Электронный ресурс] // Принципы историографии естествознания: XX в. – СПб., 2001. – С. 34–68. – Режим доступа : http://a_ogurtsov.euro.ru/papers/ogur99h.htm .
47. Ойссар Э. П. Диссертации, защищенные в Тартуском университете. 1802–1918 : библиографический указатель. – Тарту, 1973. – 180 с. [на эстонском языке].
48. Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. – Одесса, 2007. – 536 с.
49. Посохов С. И. «Считаю для себя неприличным...»: этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 131–152.
50. Российские университеты в XVIII–XX веках. – Воронеж 1993–2002. Вып. 1–6.
51. Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом : коллект. моногр. / отв. ред. А. Н. Дмитриев. – М., 2012. – С. 161–192.
52. Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества : монография. – Омск, 2010. – 408 с.

53. Свешников А. В. Социальный статус и поведенческие стратегии «дореволюционных аспирантов-историков» // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков. Сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. – Челябинск, 2011. – С. 165–171.
54. Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. – Л., 1983. – 256 с.
55. Троицкий Ю. Л. Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция Россия в эпоху модернизаций : материалы II Всерос. науч. конф. Т. II. : Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. – Омск, 1995. – С. 164–165.
56. Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты : сборник переводов. – М., 1980. – С. 218–256.
57. Чесноков В. И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX – начале XX века. – Воронеж, 1996. – Вып. 2. – С. 3–29.
58. Чесноков В. И., Чесноков И. В. К вопросу о подготовке профессоров истории в университетах России XIX-начала XX в. // История и теория исторической науки и образования: Харьковский историографический сборник. – Харьков, 1995. – Вып. 1. – С. 73–86.
59. Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. – М., 1976. – 231 с.
60. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. – М., 1985. – 350 с.
61. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформ. Шестидесятые годы XIX в. – М., 1993. – 272 с.
62. Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. – 1990. – № 10. – С. 45–61.
63. Якушев А. Н. Комплексная программа научных исследований «История учёных степеней в России XVIII в. – 1918 г.». – М., 1996. – 61 с.

УДК 378.245:808.53]:930 (47+57) «192»

Н. В. Гришина

**ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ДИСПУТЫ КОНЦА 1920-х гг.:
СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ
НОРМАТИВОВ
(НА ПРИМЕРЕ ДИСПУТОВ Н. М. ДРУЖИНИНА И
А. И. НЕУСЫХИНА)¹**

Статья посвящена изучению трансформации диссертационной системы на протяжении 1920-х гг. В ней рассматривается проблема преемственности формирования научных кадров в дореволюционной и советской науке. На примере диспута Н.М. Дружинина, в статье анализируется проблема формирования нового канона ведения научной дискуссии.

Ключевые слова: научные кадры, аспиранты, Н. М. Дружинин, А. И. Неусыхин, диспуты, марксизм.

Предварительные замечания

Первое десятилетие советской власти прочно вошло в историографию под названием времени «большого (большевистского) эксперимента», когда до неузнаваемости реформировались все стороны общественной жизни. Не исключением стала система формирования научных кадров.

После отмены ученых степеней и званий в 1918 г., реорганизации факультетских структур и других кардинальных преобразований, предпринятых советской властью в 1920-е гг., наступил период некоторого анабиоза, сопровождавшегося ожиданием формирования новых институционально-нормативных контуров научной системы. Замедление научного ритма в диссертационной политике не привело к полному свертыванию привычных норм научного быта. Официальные защиты диссертаций продолжались и в 1919 году. Именно в это время в Киевском университете защитил

¹ «Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта Президента РФ (Проект № МК-1810.2013.6) и Фонда перспективных научных исследований ЧелГУ (Проект № ФПНИ-06.6-24-14).

магистерскую работу П. П. Смирнов, а Е. Д. Сташевский стал доктором русской истории. Неофициальные диспуты проходили на протяжении всего десятилетия, особенно многочисленными они были в первой половине 1920-х гг.[1, с. 77–89]. Несмотря на то, что такие диспуты не играли решающей роли при получении должности и права преподавания, они сохраняли свою актуальность для молодых ученых, т.к. обеспечивали им научное признание, создавали определенную профессиональную репутацию.

Несмотря на то, что вопрос о восстановлении ученых степеней дискутировался на протяжении всего десятилетия (выступления В. П. Волгина, О. Ю. Шмидта), а в некоторых республиках СССР докторская степень сохранялась, диссертационная система была восстановлена лишь к середине 1930-х гг. Промежуточным звеном в этом процессе стал институт аспирантуры. В нем на повестку дня были поставлены защиты аспирантских сочинений, дававшие соискателям различные права в области науки и преподавания. По завершении обучения в аспирантуре, которое охватывало временной промежуток в 3-4 года, к концу 1920-х гг. можно было ждать серии защит аспирантов. Однако этого не произошло в силу очередной реформы высшего образования.

Изменения научного климата, начавшиеся в 1927–1928 гг., привели к свертыванию планируемых защит аспирантских сочинений. В исторической науке, пожалуй, известно только о двух диспутах, произошедших в конце 1920-х гг., – Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина. Н. М. Дружинин в воспоминаниях писал, что «после появления статьи М. Н. Покровского [Покровский М. Н. О научно-исследовательской работе историков // Правда. 1929. 17 марта – Н.Г.] и предстоящего закрытия РАНИОН все сотрудники, подготовившие диссертации, за исключением А. И. Неусыхина (о древнегерманской общине) и меня (о декабристе Н. Муравьеве) уклонились от представления своих работ» [8, с. 26].

Именно эти диссертационные истории находятся в центре нашего внимания. Важно подчеркнуть, что они не являются инерционным продолжением дореволюционной диссертационной системы, их можно оценивать в качестве апробации формирующейся советской системы степеней и званий, зародившейся в рамках аспирантской подготовки.

Обращение к этим диспутам позволяет выйти к проблеме «заполнения пустотного марксистского канона». Длительность времени подготовки диссертации и близость ее защиты к началу «великого перелома», приближение которого, безусловно, ощущалось учеными, способствует фокусированию внимания на наличии или отсутствии в работе ритуальных цитат, тональность ведения дискуссии во время диспута и т.п.

Наконец, защита диссертации рассматривается как важный момент научной/интеллектуальной биографии ученого. Диссертация в самом широком понимании (от выбора темы до самого акта защиты и его итогов) рассматривается в контексте «вхождения» ученого в научное сообщество, которое, выполняя возложенные на него экспертные функции, принимает или отвергает предлагаемую тему и ее авторское прочтение.

Путь в науку: институциональные нормы научной жизни 1920-х гг.

Начало пути в науку героев данной статьи было достаточно типичным.

Николай Михайлович Дружинин, родившийся в 1886 г., поступил на истфил в 1904 г. и окончил его только в 1918 г. Его студенчество несколько раз прерывалось отвлечением на участие в политике или мобилизационных военных кампаниях государства. «Оставление» Дружинина при кафедре состоялось по рекомендации М. М. Богословского в 1918 г. Внешние обстоятельства оказывали значительное влияние на его научную подготовку. В отчете о своих научных занятиях за 1918–1920 гг. он замечает: «К сожалению, крайняя ограниченность времени мешала мне целиком отдаться предпринятой работе...» [10, л. 3]. Лишь в 1921 г. уже как сотрудник РАНИОН Дружинин смог продолжить свои научные занятия на относительно постоянной основе.

Александр Иосифович Неусыхин в 1918 г. после двух курсов медицинского факультета Московского университета перевелся на историко-филологический факультет (далее факультет общественных наук), который окончил в 1921 г. В Институте истории в 1922 г. он был единогласно избран научным сотрудником II разряда по секции средневековой истории [4, л. 55].

Оба историка в 1925 г. получили в РАНИОН статус аспирантов. Их случай не был чем-то уникальным. Необходимо отметить,

что степень преемственности прежней и новой форм подготовки научных кадров была достаточно высокой. Из 32 «оставленных» на историко-филологическом факультете Московского университета 10 стали научными сотрудниками I разряда, 11 – научными сотрудниками 2 разряда. Еще 5 человек продолжили научную карьеру в музейных и архивных учреждениях [5, л. 1 об, 4–6, 66, 134, 170–172, 181–182; 11, л. 51; 12, л. 57–57 об, 60, 62].

Изначально ход научной подготовки в институте истории мало чем отличался от работы с «оставленными для подготовки к профессорскому званию» в дореволюционных университетах. В частности, в протоколе института истории за 1923 г. есть запись об отчете Н. М. Дружинина по русской истории «Лаврентьевская летопись как памятник летописания; Обзоры и истолкования смуты в русской историографии; происхождение, источники и содержание Соборного Уложения 1649 г.». Отчет был признан весьма удовлетворительным. Как видим, формула фиксации результата отчета и его ход являются калькой с проведения магистерских экзаменов в дореволюционных вузах.

К середине 1920-х гг. в ходе аспирантской подготовки наметился уклон в сторону изучения вопросов исторического материализма, а также новой и новейшей истории, хотя за историками, специализирующимися на древней и средневековой истории, оставили приоритетность их научных интересов [3, л. 11]. В целом можно сделать вывод, что «марксизация» всеобщей истории осуществлялась заметно медленнее.

В 1927–1928 гг. начались проверки всех аспирантов на соответствие марксистским установкам. В 1928 г. Н. М. Дружинин и А. И. Неусыхин были оценены «Тройкой» в составе А. Д. Удальцова, Е. А. Мороховца, Н. Г. Буркина и А. В. Ефимова. «Тройка» вынесла вердикт, что Дружинин закончил план подготовки в аспирантуре, и признала его марксистом [6, л. 14]. Неусыхин также был признан марксистом, хотя «не вполне выдержанным» [7, л. 5]. Такие решения позволяли историкам завершить аспирантский стаж и защитить диссертации. Отметим, что аспиранты, закончившие план подготовки, но признанные немарксистами, были отчислены из института (к примеру, Л. В. Черепнин, В. И. Шунков).

Защита диссертаций состоялась только год спустя: у Неусыхина – 5 апреля, а у Дружинина – 7 мая 1929 г. При этом важно

подчеркнуть, что диспуты готовились и проходили в весьма нервной обстановке. В 1929 г. Дружинин пережил критику со стороны М. Н. Покровского своей работы о «Журнале землевладельцев», а Неусыхин ранее «запятнал» себя во время известного диспута по книге Д. М. Петрушевского. Безусловно, эти факты оказали влияние на тональность диспутов, а также принятое квалификационными комиссиями решения (см. таблицу*).

Таким образом, права, полученные историками после защиты, не расширяли, а сужали поле их профессиональной деятельности. К примеру, разрешение Неусыхину вести лишь специальные семинары по теме диссертационного исследования, вызвало недоумение и протест со стороны его научного руководителя Д. М. Петрушевского. Он, будучи на тот момент директором Института истории, обратился в президиум РАНИОН с особым мнением, в котором отстаивал право своего ученика на ведение полноценных лекционных курсов, упоминая при этом, что Неусыхин успешно вел такой курс еще до защиты диссертации в университете им. К. Либкнехта [7, л. 6].

Диссертационный диспут:

формирование нового канона научной дискуссии

В ходе научных дискуссий второй половины 1920-х гг., в частности обсуждения книги Д. М. Петрушевского, проявился «шаблонно-сравнительный метод историографической оценки» [9, с. 37]. Его формирование Неусыхин – активный участник дискуссии – определил как «власть слов», когда наличие в тексте определенных терминов и марксистских цитат маркировало работу как правильную и идейную, их же отсутствие давало повод для обвинений в эклектизме, идеализме и «навешиванию» других враждебных идеологических ярлыков. Можно согласиться с мнением, что именно в это время в марксизме происходит свертывание методологических поисков. Хотя окончательно процесс догматизации марксизма не завершился.

Наиболее полно материалами обеспечен диспут Н. М. Дружинина, именно на нем будет сфокусировано наше внимание.

Диссертация Дружинина была написана в жанре биографического исследования и посвящена декабристу Никите Муравьеву.

* *Примечание: Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 494. Дружинин Н. М. Л. 18; ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 637. Неусыхин А. И. Л. 4, 7–8.*

В работе Дружинин определяет свое понимание жанра биографического исследования. Биографию человека, его жизненный путь он предлагал рассматривать в контексте «определенного места и времени», учитывая влияние на героя современных ему общественных процессов. Также Дружинин размышлял, что человек на протяжении жизни меняется, а, следовательно, необходимо изучать его жизненные схемы, «габитус» (термин, единожды встречающийся в тексте диссертации) в динамике. Такое понимание биографии вызывало различные реакции участников диспута. В частности, критика М. В. Нечкиной состояла в обвинениях Дружинина в излишнем психологизме и влюбленности в своего героя, что дало ей основание назвать работу «немарксистской» [2, л. 6 об – 7]. Неофициальный участник дискуссии С. И. Мицкевич, фактически защищая Дружинина, парировал: «Вот Ленин, вполне осознавший себя идеолог пролетариата на известной ступени развития, вначале таковым не был» [2, л. 23 об]. Диссертант отвечал М. В. Нечкиной в том же духе: «Ведь и сам К. Маркс не сразу сделался носителем пролетарской идеологии» [2, л. 21]. Как видим, и диссертант, и оппоненты в своей аргументации апеллировали к авторитетам марксизма, а не к внутренним аргументам работы. Кроме того, в ходе обсуждения был артикулирован приемлемый с точки зрения марксизма взгляд на биографическое исследование. Второй оппонент С. С. Мильман предлагал рассматривать объект биографии как «определенный социальный тип» [2, л. 17].

В обсуждении диссертации явно видно формирование определенного канона, «трафарета» (по выражению М. В. Нечкиной), предъявляемого к марксистским исследованиям. Она говорила: «В работе Дружинина мы не видим привычной в марксистских работах главы об истории хозяйства и экономической истории классовой борьбы эпохи, главы о расстановке классовых сил эпохи и т.д.» [2, л. 8]. Отсутствие этой формальной составляющей стало дополнительным поводом для признания работы немарксистской. В то же время практика «ритуального цитирования» классиков еще не сформировалась. В диссертации Дружинина имеется единственная ссылка на работы марксистов, несколько искусственно помещенная им в заключение своего исследования [6, л. 184 об–185]. В перечень «классиков» были включены работы М. Н. Покровского, П. И. Лященко, Н. А. Рожкова, А. Е. Преснякова.

На диспуте проверке на соответствие марксизму подвергся не только автор диссертации и его работа (чего только стоит выкрик с места во время выступления С. С. Мильмана: «А в какой части работа марксистская?» [2, л. 20 об.]), но и оппоненты. В частности, С. И. Мицкевич, говорил о выступлениях оппонентов: «Я хотел бы высказать свое мнение об оппонентах. Прежде всего, их мнение, что т. Дружинин не марксист. Вы говорите, что его работа не марксистская. Я знаю его как выдержанного марксиста и с удивлением слушал напады оппонентов. Я думал, что они подвергнут марксистскому анализу его работу, но из того, что говорила т. Нечкина, у меня возникло представление, что она с марксизмом незнакома...» [2, л. 23 об.]

Получив по итогам диспута заключение, что он может быть использован для научно-исследовательской работы, Дружинин на некоторое время свернул свою научную деятельность. Причиной тому стал и кратковременный арест в 1930 году. В 1933 г. Дружинин опубликовал свою диссертацию, внося в ее текст, «ряд уточняющих дополнений» [8, с. 26].

* * *

На протяжении 1920-х гг. диссертационная система переживала очень серьезную трансформацию: от сохранения практики неофициальных защит, до аспирантских диспутов и полного восстановления двухступенчатой системы ученых степеней. При этом формальные процедуры организации и проведения диспута практически не изменились. Пожалуй, одним из немногих нововведений стало назначение специальной квалификационной комиссии, которая принимала решение об итогах защиты и присуждении соискателю прав в области самостоятельной научной работы и преподавания. Гораздо более значительные изменения произошли в содержательной стороне диспута, на котором стала оцениваться не только исследовательская подготовка диссертанта, его научная эрудиция, но и наличие в работе формальных моментов, подтверждавших методологическую состоятельность соискателя в области марксизма.

1. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Диссертации историков и законодательные нормы (1860 – 1920-е гг.) // Российская история. – 2014. – № 2. – С. 77–90.
2. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1604. Оп. 1. Д. 24.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 158.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 2. Д. 494.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 2. Д. 637.
8. Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка // Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. – М., 1990. – С. 5–66.
9. Сидоров А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. – М., 1998. – 230 с.
10. Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документации после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 17.
11. Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документации после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 3.
12. Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документации после 1917 г. Ф. 1609. Оп. . Д. 8.

Таблица: Состав квалификационных комиссий и заключение по результатам диссертационных диспутов А. И. Неусыхина и Н. М. Дружинина

	А. И. Неусыхин	Н. М. Дружинин
Состав квалификационных комиссий		
	Д. М. Петрушевский Н. П. Грацианский А. Д. Удальцов В. П. Волгин	В. И. Невский С. С. Мильман М. В. Нечкина С. А. Пионтковский Представитель Президиума РАНИОН ²
Заключение по защите диссертации		
Оценка диссертации как самостоятельного научного исследования	Работа представляет собой самостоятельное исследование	Диссертация дает новый материал и новые сведения о 1) борьбе внутри ложи трех добродетелей; 2) об эволюции в процессе выработки самого текста конституции; 3) анализ иностранных источников и их отражение в конституции Никиты Муравьева
Объем привлеченного для разработки диссертации материала и оценка его	Диссертант полностью проработал текстуальный материал и частично использовал выводы археологии и палеографии	Привлечен богатый и всесторонний архивный материал из различных архивов Москвы и Ленинграда вплоть до изучения личной библиотеки Никиты Муравьева
Краткое содержание диссертации и заключительного слова	Общественный строй древних германцев	Дана биография Н. Муравьева и сделана попытка анализа его социально-политических воззрений
Методологическая оценка диссертации и заключительного слова	По методологической установке диссертация, вступительное и заключительное слово свидетельствуют об эклектичности методологических воззрений автора, представляя собой переделку марксизма в духе Макса Вебера	Методологически эклектик и определенно немарксист
Работа диссертанта в течение аспирантской подготовки	Работал успешно и удовлетворительно	Удовлетворительная
Предоставление диссертанту прав		
В области самостоятельной научной работы	Может вести самостоятельную работу, но необходимо иметь в виду его методологические тенденции	Может быть использован для научно-исследовательской работы
В области преподавательской работы	Может вести в вузах специальные семинары по истории средних веков	
В области использования в Институте	Может быть зачислен в состав научных сотрудников 1 разряда	

² Установить личность представителя Президиума РАНИОН, включенного в состав квалификационной комиссии, не удалось. По свидетельству Н.М. Дружинина председателем комиссии был В.И. Невский.

Гришина Н. В. Диссертационные диспуты конца 1920-х гг.: становления новых дисциплинарных нормативов (на примере диспутов М. М. Дружинина та О. І. Неусихіна)

Статью посвящено вивченню трансформації дисертаційної системи протягом 1920-х рр. У ній розглядається проблема спадкоємності формування наукових кадрів у дореволюційній та радянській науці. На прикладі диспуту М.М. Дружиніна в статті аналізується проблема формування нового канону ведення наукової дискусії.

Ключові слова: наукові кадри, аспіранти, М. М. Дружинін, О. І. Неусихін, диспути, марксизм.

Grishina N. V. Dissertation debates in the late 1920s: the formation of new disciplinary standards (on the example of N. M. Druzhynin and O. I. Neusyhina's disputes)

The article is devoted to the study of the transformation of the thesis throughout the 1920s. It addresses the problem of succession of formation of scientific personnel in pre-revolutionary and Soviet science. On the example of the dispute N.M. Druzhynin, the article analyzes the problem of formation of a new canon of conducting scientific discussion.

Keywords: research staff, graduate students, N. M. Drugynin, A. I. Neusyhina, debates, marxism.

